DOI: 10.26907/2074-0239-2019-57-3-141-146
УДК 82-34

РОССИЯ ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ: РАССКАЗ ДЖОНА АПДАЙКА «БОГАТ В РОССИИ»

© Ольга Карасик

RUSSIA THROUGH THE EYES OF AMERICAN AUTHOR: JOHN UPDIKE'S "RICH IN RUSSIA"

Olga Karasik

John Updike is one of the most significant American authors of the second half of the twentieth century. He visited the Soviet Union in the 1960s within a special exchange program of American and Soviet writers. His impressions of the country are presented in the story "Rich in Russia" that appeared in the trilogy about Henry Beck, the author. Beck may be regarded as Updike's alter ego. The American writer's impressions of the Soviet Union consisted of the things he was allowed to see during his official visit and the stereotypes existing in his mind. The majority of those stereotypes were confirmed by what he saw.

The purpose of this article is to reveal the double mythologization of the image of Russia, represented from the mid-twentieth century American writer's point of view, as well as the readers' current perception of the country that has already become the historical past.

We conclude that the story "Rich in Russia", written by Updike in 1970 and not translated into Russian yet, has a particular relevance for Russian readers now, as the author's irony has become more obvious and understandable.

Keywords: John Updike, author, Soviet Union, irony, mythologization, stereotype.

Джон Апдайк – один из самых значимых американских писателей второй половины XX века – побывал в Советском Союзе в 1960-е годы по специальной программе взаимных визитов американских и советских писателей. Свои впечатления о стране он описал в рассказе «Богат в России» («Rich in Russia»), входящем в цикл книг о писателе Генри Беке, который отчасти является alter ego самого Апдайка. Впечатление о России у американского писателя складывается из того, что он может видеть во время своего официального визита, а также из существующих в его сознании стереотипов, которые в большинстве своем подтверждаются.

Целью данной статьи является раскрытие двойной мифологизации образа России: взгляд на нее с точки зрения американского писателя середины XX века, а также нынешнее восприятие читателем той страны, которая уже является историческим прошлым.

Делается вывод о том, что рассказ «Богат в России», написанный Апдайком в 1970 году и до сих пор не переведенный на русский язык, сейчас обладает особой актуальностью для российского читателя, так как авторская ирония становится более очевидной.

Ключевые слова: Джон Апдайк, писатель, Советский Союз, ирония, мифологизация, стереотип.

Американский писатель Джон Апдайк (John Updike, 1932–2009) приобрел известность в нашей стране в 1960-е годы, когда впервые был переведен на русский язык его роман «Кентавр» («The Centaur» (1963), в 1965 г. – русский перевод В. Хинкиса). К этому времени несколько рассказов и стихотворений Апдайка были переведены на русский язык, однако именно этот роман сделал его известным в СССР, а впоследствии и в России. Александр Генис говорит:

Когда в 1965-м на нас обрушился «Кентавр», шедевр Апдайка, <...> этот роман мгновенно стал куль-

товым, книгой-паролем, позволяющей попасть в заветный клуб понимающих – на кухни тех интеллигентных домов, где рождалось общественное мнение шестидесятых (цит. по: [Савинова]).

Вероятно, перевод «Кентавра» был осуществлен благодаря другому событию. Как автор известных на тот момент произведений, Апдайк получил грант от Отдела образования и культуры Государственного департамента США и посетил Советский Союз. В нашей стране он провёл месяц, с 22 октября по 22 ноября 1964 года (15 дней в Москве, 5 дней в Ленинграде, затем –

Киев, Тбилиси и Ереван). Интересно, что в 1963 году подобный грант на посещение СССР получили Эдвард Олби и Джон Стейнбек. Таким образом, Апдайк вошел в категорию зарубежных писателей, официально признанных в СССР, что давало возможность издателям переводить и публиковать его произведения как в журналах, так и отдельными книгами. В течение короткого времени Апдайк стал одним из любимейших американских авторов второй половины XX столетия, почти придя на смену Эрнесту Хемингуэю, который был культовым писателем поколения «шестидесятников». Его творчеством восхищались Василий Аксенов и Сергей Довлатов. Так, в сборник заметок «Соло на Ундервуде» Довлатов включил анекдотический случай:

Как-то мы сидели в бане. Вольф и я. Беседовали о литературе. Я все хвалил американскую прозу. В частности – Апдайка. Вольф долго слушал. Затем встал. Протянул мне таз с водой. Повернулся задницей и говорит: Обдай-ка! [Довлатов, т. 3, с. 257]

Аксенов перевел на русский язык роман Апдайка «Переворот» («The Coup», 1978). В целом большинство произведений Апдайка достаточно быстро доходили до советского, а затем и российского читателя. Они переводились на русский язык, выходили в журналах, в том числе в «Иностранной литературе», и отдельными книгами и пользуются популярностью до сих пор.

В 1960–70-е гг. американский автор стал одновременно кумиром тех, кто придерживался диссидентских взглядов, и одним из современных американских писателей, к произведениям которых имели доступ советские читатели.

Поездка в СССР в 1964 году стала для Апдайка весьма запоминающимся событием, и свои впечатления о ней он впоследствии использовал, когда создавал свои романы о Беке.

В трилогию о Беке входят романы «Бек: Книга» («Bech, a Book», 1970), «Возвращение Бека» («Bech Is Back», 1982) и «Бека обложили» («Bech at Bay», 1998). В 2001 году трилогия вышла одной книгой под названием «The Complete Henry Bech». На сегодняшний день полного перевода этих произведений на русский язык не существует.

Произведения о Беке, фактически, не являются романами, это, скорее, циклы рассказов, объединенные одним персонажем. С одной стороны, каждая история имеет свой сюжет, но в то же время они все складываются в единую картину, раскрывающую личность заглавного персонажа и различные стороны его жизни.

Писатель Генри Бек – вымышленный персонаж, который отчасти стал alter ego самого Джо-

на Апдайка, и в то же время это его противоположность. Апдайк был типичным представителем общества WASP (White Anglo Saxon Protestant), белых протестантов англосаксонского происхождения, преуспевающим писателем, живущим в небольшом, довольно богатом городке Новой Англии с женой и детьми. Бек – еврей, не особо задумывающийся о принадлежности к иудаизму, закоренелый холостяк (впоследствии вступивший в брак, который продлился недолго, и наконец ставший отцом в пожилом возрасте), не очень успешный и небогатый писатель, мечтающий о настоящей литературной славе. Предполагается, что Бек – собирательный образ, в который Апдайк вложил собственные черты, а также черты Нормана Мейлера, Бернарда Маламуда, Джерома Дэвида Сэлинджера.

Рассказ «Rich in Russia» («Богат в России») входит в первую книгу о Беке, однако существует и отдельное издание, в которое входят два рассказа – помимо «Богат в России», еще «Бек в Румынии» («Bech in Rumania»). Герой предстает весьма талантливым писателем, но не очень удачливым в жизни и карьере. На момент начала повествования он переживает тяжелый финансовый кризис, вызванный долгами и отсутствием ожидаемых гонораров. При описании ситуации, в которой оказывается герой, повествователь использует множество числительных – конкретные суммы в долларах и центах, когда говорит о том, сколько задолжал Генри Бек, сколько ему недоплатили и т. д. В этой ситуации он решает, что должен принять предложение об участии в программе по обмену писателями и посетить СССР полностью за счет средств Государственного департамента. По тону повествования читатель понимает, что Бек соглашается на это предложение не потому, что ему интересен Советский Союз, а от отчаяния и понимания, что поездка бесплатная – для него это особенно важно. Уже здесь, на стадии завязки сюжета рассказа, мы можем говорить о мифологизации образа Советского Союза. Очевидно, что Апдайк вкладывает в уста героя свое представление о стране, о которой он, американец из Новой Англии, в 1960-е годы знал только как о коммунистической державе, системе, соперничающей с США за мировое господство, но в то же время обладающей большим культурным наследием. Для Бека, как и для самого Апдайка, русская культура – это прежде всего великая русская литература: Достоевский, Чехов, Толстой. Советская же Россия представляется ему подобием экзотического парка развлечений, который любопытно посетить, посмотреть на него со стороны, но не стоит воспринимать всерьез. Заметим, что восприятие это-

го рассказа современным читателем будет иным, чем это было в 1970-е, когда он был опубликован. Сейчас взгляд американского писателя на Советскую Россию становится особенно интересным, так как СССР давно перестал быть реальностью, стал историческим прошлым, которое также подвергается мифологизации. Тогда же, когда вышел рассказ, все, что описано Апдайком, было объективной реальностью, и ирония писателя могла показаться советскому читателю неуместной. То, что представлялось американцу из Новой Англии странным и нелепым, было нормой для советского человека.

Представления Бека о Советском Союзе фактически отражают представления большинства образованных американцев 1960-х годов. Советские люди видятся ему в основном несчастными, несущими на себе страшную трагедию Великой Отечественной войны (он, например, предполагает, что приставленная к нему переводчица, скорее всего, потеряла на войне жениха, как и большинство советских женщин). В то же время русские люди наивны и искренни.

Только что отправленный на пенсию Хрущев оставил после себя ту теплую атмосферу, которая казалась почти забавной. Это была приподнятая открытость, искренность невероятного эксперимента и странных возможностей [Updike] (здесь и далее перевод наш – О. К.).

Все это представляется Беку наивным, он не раз употребляет слово «innocent» по отношению к советским людям, что можно перевести и как «наивный» и как «простак». Именно в последнем значении употреблял это слово Марк Твен в своей первой книге «Простак за границей» («Innocents Abroad»), где, путешествуя по Европе, повествователь посещает и Российскую Империю. Марк Твен называет простаками американцев, открывающих для себя Старый Свет. Для героя Апдайка простаками выглядят уже русские, искреннее верящие в победу коммунизма, и в своей вере не замечающие того, что происходит вокруг.

Впечатление о России у американского писателя (здесь мы говорим как о самом Апдаике, поскольку рассказ, очевидно, передает его личные впечатления, так и о его персонаже) складывается из того, что он видит или, скорее, из того, что позволяют ему увидеть во время его официального визита. Здесь у современного читателя действительно возникает ощущение, что герой оказывается в парке аттракционов, в некоем выдуманном пространстве, ограниченном, искусственно созданном мире, где посетителю предлагаются хорошо подготовленные и отработанные

приключения, которые начинаются уже со специфического запаха в самолете «Аэрофлота». Программа посещения давно обкатана, и Генри Бек оказывается очередным гостем:

Бобочка и Мышкин, два чиновника из Союза писателей, ответственных за визит Бека, увенчали его график обязательными культурными мероприятиями [Там же].

Обращают на себя внимание вымышленные фамилии чиновников. «Бобочка» созвучна слову «бабушка», которое является одним из известных русских слов на западе (babushka) и которое появляется в рассказе позже, когда автор описывает, как была одета переводчица Бека: на ней был *бабушкин платок*.

Фамилия Мышкин вызывает неизбежную ассоциацию с Достоевским. Давая несколько нелепые фамилии советским чиновникам от литературы, Апдаик, конечно, иронизирует, подчеркивая искусственность и нарочитую подготовленность визита.

В «обязательную программу» визита в СССР американского писателя входили, помимо мавзолея на Красной площади и балета в Большом театре, посещение Союза писателей в Москве, завтраки и обеды с Евгением Евтушенко и Андреем Вознесенским как наиболее прогрессивными поэтами, а также с другими писателями, фамилий которых герой так и не запомнил. Стоит отметить, что Джон Апдаик действительно встречался с этими поэтами и впоследствии поддерживал отношения с Евтушенко.

В Ленинграде обязательным было посещение мест, связанных с Достоевским.

Герой жил в гостиницах, специально предназначенных для иностранцев высокого ранга, гостей Советского государства. Так, Апдаик говорил о московском «Интуристе» с неременной красной икрой на завтрак.

Генри Бека приглашают только в определенные рестораны, он не может просто пойти в кафе, как это всегда было принято в западном мире. Он не может поговорить с кем-то и общается только с определенными людьми. Даже визит в семью советской интеллигенции тщательно подготовлен и продуман, и герой, обладающий несомненным писательским талантом и чувствительностью, не может не заметить искусственности ситуации и некоторой фальши.

Ирония присутствует во всех наблюдениях героя. Например, он искренне не понимает восхищения «шестидесятников» Хемингуэем и иронизирует над тем, как по-русски произносится фамилия. Ему приходится пить *коньяк с разными писателями, которые одинаково обожали Хе-*

мингуэя [Там же] (фамилия в тексте рассказа написана как Gemingway, а не Hemingway, как она пишется на самом деле). В то же время, когда его спрашивают о том, кого он считает наиболее значительным современным автором, он называет Владимира Набокова, осознавая, что это имя вызовет раздражение тех, кто его сопровождает. Также именно в СССР Бек вдруг задумывается о собственном еврействе. Зная о скрытом антисемитизме в стране, он делает то, что не приходило ему в голову на родине: подчеркивает свое еврейское происхождение в разговоре. Он намеренно раздражает чиновников, однако они делают вид, что не слышат этих заявлений, разрушающих образ идеологически правильного американского писателя. Поэтому Бек вновь убеждается в искусственности и «притянутости» советской идеологии.

Визит Бека происходит в ноябре, и на улицах Москвы он наблюдает за тем, как снимают иллюминацию и украшения, оставшиеся от празднования 7 ноября. Их он называет так: *рождественские огни в честь празднования революции* [Там же]. Подобные описания, конечно, не могли быть опубликованы в СССР в то время, когда рассказ был написан. Однако современный российский читатель поймет иронию автора.

Мы не можем говорить об объективном образе России, созданном Апдайком. Этот образ складывается из «обязательной программы» и тех стереотипов, которые существуют в сознании образованного американца, однако и сам автор это понимает. Его герой также осознает, что видит лишь то, что ему положено видеть, – парадную сторону советской жизни.

В то же время визит в Советский Союз становится открытием для Генри Бека. Он испытывает то, чего никогда прежде в жизни не чувствовал. В этой странной и искусственной, по его мнению, стране он впервые оказывается по-настоящему богатым, что поначалу выглядит для читателя абсурдным. Читатель, скорее, привык к негативным образам богатых американцев, и богатство американца в России – сюжет неожиданный. Поэтому Апдайк и дает такое заглавие рассказу.

Сразу по приезде в СССР Беку выдают крупную сумму денег в рублях в качестве гонорара за его роман, только что переведенный на русский язык и пользующийся огромным успехом:

В первый же день Союз писателей выдал ему пачку банкнот с розово-сиреневым Лениным и голубовой Спасской башней [Там же].

Именно эти деньги и заставляют Бека вырваться из «обязательной программы» визита, так как впервые в своей жизни он готов тратить деньги не глядя. Если перед отъездом из США он был вынужден высчитывать суммы долгов и тщательно контролировать расходы вплоть до цента, здесь у него в руках оказывается огромная сумма денег. То, что это советские рубли, подчеркивает сказочность, фантастичность и абсурдность происходящего. Но невероятность ситуации заключается еще и в том, что деньги, оказывается, невозможно потратить. Здесь подтверждается то представление о России, которое было у американцев, а порой сохраняется у них и до сих пор, вызванное реальной ситуацией – дефицитом. Даже имея финансовые возможности, советский человек не мог приобрести то, что ему было нужно или чего он желал.

Например, желая приобрести хороший кожаный чемодан для подаренных ему стереотипных русских сувениров – матрешек, деревянных ложек, изделий из янтаря и прочего, – Генри Бек просит постоянно сопровождающую его переводчицу Екатерину Александровну съездить с ним в магазин. Именно здесь происходит его столкновение с настоящей советской реальностью: ни в одном магазине нет кожаных чемоданов, только угловатые картонные, с металлическими уголками и плохо работающими застежками. В конце концов, Бек приобретает именно такой, делая вид, что это то, что ему нужно, а на самом деле считая этот предмет уродливым и неудобным. Этот чемодан становится для него символом жизни обычных советских людей – неудобной, некрасивой, основанной на самовнушении и самоубеждении в обратном. Так он воспринимает и слова Екатерины после их похода по магазинам, который не сделал Бека беднее, так как в его руках по-прежнему была пачка русских рублей:

Мы за эту неделю ходили по магазинам больше, чем я за год. Материальное меня не интересует, Генри. Во время войны мы все узнали цену вещам. Ценно только внутреннее содержание [Там же].

Бек чувствует фальшь и противоречие в этой фразе. Она в то же время подтверждает его выводы о мрачности советских людей, о том, что они все несчастны – это объясняется последствиями войны, которые они до сих пор несут в себе.

Преодолевая свое презрение к материальному, сочетающееся с явной завистью, Екатерина предлагает Беку лучший способ потратить деньги – купить меха. Для него это предложение звучит странно и нелепо, он с трудом представляет

своих мать и возлюбленную в русских мехах в Новой Англии. Однако он вынужден согласиться, потому что это оказывается единственным способом избавиться от странных купюр, которые даже внешне для него вовсе не похожи на деньги. Здесь усиливается ощущение пребывания героя в парке аттракционов, где все искусственно, тщательно продумано, но не имеет отношения к реальному миру. В какой-то момент аттракцион начинает напоминать комнату страха, откуда герой хочет поскорее выбраться, а желание во что бы то ни стало потратить советские рубли, не оставив ни одной купюры, символизирует этот выход.

Генри Бек смотрит на окружающую действительность (которая вовсе не является советской действительностью, а лишь видимостью) с любопытством и опаской. Советские рубли не имеют для него никакой ценности, хваленый армянский коньяк он так и не смог оценить, дорогие меха ему не нужны, поклонение Хемингуэю вызывает профессиональную ревность, русские сувениры кажутся уродливыми и бесполезными. Также он время от времени вспоминает предупреждение своих американских друзей о том, что все экскурсоводы и переводчики в СССР, работающие с иностранцами, являются сотрудниками КГБ, и он смотрит на свою переводчицу Екатерину с подозрением и одновременно с жалостью. Даже столь желанная поездка в Ясную Поляну приносит Беку скорее недоумение, чем удовлетворение. У него появляется желание спонсировать благоустройство могилы Толстого.

Фактически, Советский Союз для американского писателя – это миф, искусственно созданный мир. Он думает, что *это, должно быть, единственная в мире страна, где тоскуют по дому, оставаясь там. Россия это сплошная тоска по дому* [Там же].

В финале рассказа при прощании в аэропорту Бек вдруг понимает, что принимающая сторона намеренно сделала так, что переводчица Екатерина постоянно находилась рядом с ним. Предполагалось, что она станет его любовницей на время поездки. Это было проявлением гостеприимства, стремлением сделать его визит наиболее приятным. Бек считает, что таким образом подтверждаются его выводы об одиночестве русских женщин, а также о том, что все переводчики и гиды приставлены, чтобы следить за иностранцами. Однако в ту минуту, когда Екатерина подставляет ему губы для вовсе не дружеского поцелуя, он на секунду даже жалеет об упущенных возможностях. Вероятно, наличие любовницы сделало бы его визит более «реальным».

Апдайк заканчивает рассказ символично. Попрощавшись с сопровождающими и радуясь, что наконец покидает этот странный мир, его герой бежит по летному полю к самолету. На бегу он роняет тот самый нелепый картонный чемодан, и из него выпадают меховые вещи и сувениры, но Бек не останавливается, чтобы их подобрать. Он садится в самолет и вздыхает с облегчением. То, что экзотические для него меха, которые бы смотрелись крайне нелепо в маленьком городке на Восточном побережье США, остаются лежать на летном поле московского аэропорта, символизирует для героя избавление, свободу от условностей и стереотипов. Он возвращается в реальный мир, не оставив ничего, напоминающего о странном «парке развлечений», в который попал.

Таким образом, мы можем говорить о своеобразной двойной мифологизации в рассказе Апдайка. Первый уровень – миф о Советской стране, которая для американца действительно является мифом во всех значениях этого термина. То, что он видит, не существует на самом деле, это искусственно созданная сказка. А образ настоящей России для него связан с многочисленными стереотипами, которые находят свое подтверждение во время визита. Второй уровень мифологизации связан с тем, как современный российский читатель воспринимает рассказ Апдайка: он фактически становится мифом о мифе и приобретает сейчас особую актуальность и ироничность.

Список литературы

Довлатов С. Собрание сочинений в 3-х томах. Санкт-Петербург: Лимбус-Пресс, 1993.

Савинова И. Поверх барьеров – американский час. Архив. Последний архив: бумаги Джона Апдайка. URL: <https://www.svoboda.org/a/2117090.html> (дата обращения: 28.06.2019).

Updike J. Rich in Russia. URL: https://bookfrom.net/john-updike/45100-rich_in_russia.html (дата обращения: 28.06.2019).

References

Dovlatov, S. (1993). *Sobranie sochinenii* [Collection of Works]. St. Petersburg. "Limbus-Press". (In Russian)

Savinova, I. (2010) *Poverkh barierov – amerikanskii chas*. Arkhiv. Poslednii arkhiv: bumagi Djona Apdaika [Above the Barriers. – American Hour. Archive. The Last Archive: John Updike's Papers]. URL: <https://www.svoboda.org/a/2117090.html> (accessed: 28.06.2019). (In Russian)

Updike, J. *Rich in Russia*. URL: https://bookfrom.net/john-updike/45100-rich_in_russia.html (accessed: 28.06.2019). (In English)

The article was submitted on 03.07.2019

Поступила в редакцию 03.07.2019

Карасик Ольга Борисовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ivamariak@mail.ru

Karasik Olga Borisovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ivamariak@mail.ru